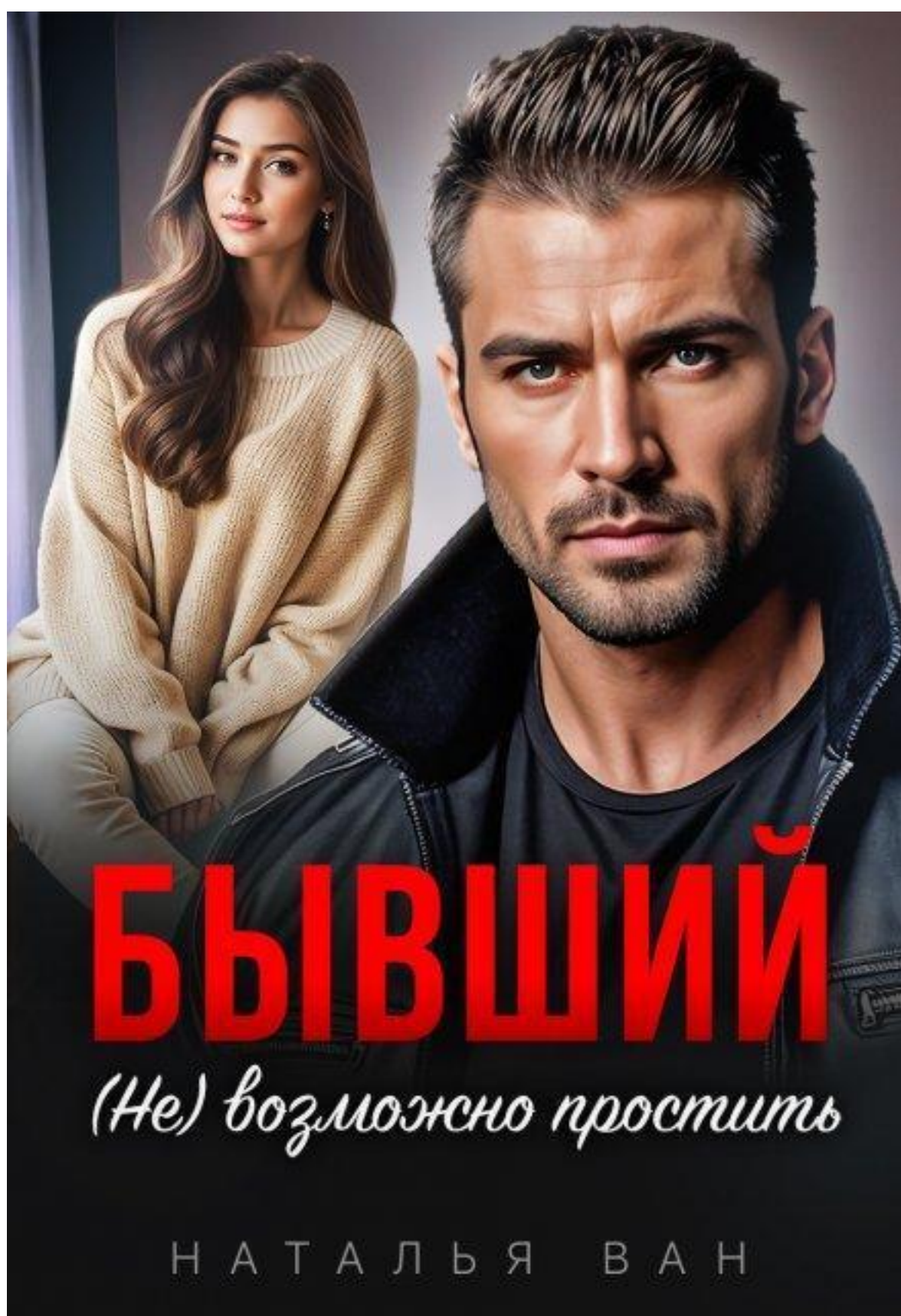




Наталья Ван

Бывший. (не) возможно простить

«Литнет»

2024

Ван Н.

Бывший. (не) возможно простить / Н. Ван — «Литнет», 2024

— Выметайся прочь! Мне не нужна ни ты, ни твой выродок! — с красными от ярости глазами кричит мой любимый мужчина.— Яр, как ты можешь такое говорить? Это же твой ребенок. Ты же говорил, что хочешь детей. Что изменилось? — слезы ручьями стекают по моим щекам, а разум отказывается слышать то, что он говорит.— Я тебе четко дал понять, что ближайшие три года я не хочу связывать себя обязательствами. Что непонятного в моих словах? — он подходит ближе. Прикрываю руками живот, в надежде, что он нам ничего не сделает.— Яр, но ведь мы...— Нет никаких мы! — рубит он с плеча. — Я женюсь через неделю. Возьми деньги и сделай аборт. И больше не смей появляться мне на глаза. Я люблю другую. Эти слова сказал мой любимый человек, прежде чем выставить меня за дверь. Но я его не послушала и сохранила жизнь нашему малышу. Вот только он об этом не знает. А сейчас я вынуждена вернуться и рассказать ему правду. Ведь от него зависит жизнь нашего ребенка. В тексте есть: #Властный герой #Сильная героиня, готовая на все ради своего ребенка #ХЭ, для тех кто заслужит*Книга содержит нецензурную брань

© Ван Н., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Ева

Шесть часов.

Шесть непозволительно долгих, мучительных часов я нахожусь в больничном коридоре детского реанимационного отделения и не могу найти себе места.

Я перепробовала всевозможные способы для успокоения собственных нервов, но ни один из них не помогает должным образом.

Когда твой ребенок там, в палате реанимации, подключен к десяткам приборов, а ты стоишь по другую сторону закрытой двери и ничем не можешь ему помочь, твой мир трещит по швам. Рушится. Разваливается, как сраный картонный домик, который ты строил всю свою жизнь.

Наворачиваю сотый круг по пустому больничному коридору, заламывая пальцы рук от волнения.

Мой маленький. Мой самый дорогой в мире человечек борется за жизнь совершенно один. В гордом одиночестве. Без меня. Без родного отца. Только он и бригада врачей.

— Ева Альбертовна? — разносится по пустому коридору мужской голос с хрипотцой.

Из реанимационной выходит врач. С замиранием сердца подхожу к нему на ватных ногах и забываю, как дышать в ожидании вердикта.

— Как мой сын? С ним все в порядке? Он будет жить?! — тараторю я, пока руки пробирает мелкая дрожь. Я так ждала появления нашего врача, но сейчас боюсь услышать хоть одно слово из его уст.

— Мы стабилизировали вашего сына, но он все еще находится в крайне тяжелом состоянии. Ему потребуется пересадка печени. Советую вам подключить всех своих родственников, чтобы ускорить поиск донора. В нашем случае это крайне важно.

— Что? — отшатываюсь в сторону, едва удерживаясь на ногах и не веря собственным ушам. — Пересадка печени? Лечение больше не помогает, но ведь мы...

— Ева Альбертовна, это единственное, что может спасти вашего сына на данном этапе. У него дискинезия желчевыводящих путей. Мы должны сделать пересадку печени, пока состояние не стало еще хуже.

— А если у нас с ним никого не осталось из родственников? — голос оседает. Тугой ком стальными тисками сжимает горло, не позволяя не то что говорить. Я не могу сделать банальный вдох. Как такое могло произойти?

— Все же вам стоит вспомнить всех, кто у вас есть. Любые дальние родственники. Тети, дяди, бабушки, дедушки, сестры, братья. Как с вашей стороны, так и со стороны отца ребенка. Любой из них может быть потенциальным донором для вашего мальчика, — произносит врач, и мои конечности немеют от страха.

— У нас никого нет. У нас нет родственников, — твердо отвечаю я. — Разве больница не помогает с органами для пересадки?

— Мы можем поставить вас в своего рода очередь, но подходящего донора придется ждать очень долго. Ваш сын может не дожить до трансплантации. Обычно очереди растягиваются на несколько месяцев из-за многих факторов, которые нужно учитывать при пересадке. Родственники — лучший вариант в вашем случае. Постарайтесь найти хоть кого-то, кто смог бы вам помочь, чтобы повысить шансы на спасение вашего сына.

— Возьмите анализы у меня. Я стану донором для своего сына! — произношу твердо, совершенно не зная последствий такой операции, но разве это имеет значение, когда жизнь твоего ребенка находится под угрозой?

Разум отказывается верить в происходящее. Этого не могло произойти. С кем угодно, но только не с нами. Мой малыш не может покинуть меня в столь юном возрасте. Ему ведь еще только год. Он совсем кроха. У него вся жизнь впереди, а тут этот страшный диагноз, как приговор.

— Мы уже проверяли вашу совместимость. Вы не подходите. Советую вам разыскать отца ребенка и уговорить его сдать анализы на совместимость. Это значительно повысит его шансы на спасение. Прошу прощения, но другие пациенты тоже нуждаются во мне, — врач оставляет меня одну в пустом коридоре.

За окном глубокая ночь. Опускаюсь на корточки, спиной прижимаясь к больничной стене, и не знаю, как мне быть.

Слова Яра. Отца моего малыша все еще крепко сидят в моей памяти. Не знаю, сколько времени должно пройти, чтобы я смогла их забыть.

— Выметайся прочь! Мне не нужна ни ты, ни твой выродок! — с красными от ярости глазами кричал мой любимый мужчина, когда я протянула ему заветный тест с двумя полосками.

— Яр, как ты можешь такое говорить? Это же твой ребенок. Внутри меня зарождается жизнь. Ты же говорил, что хочешь детей. Что изменилось? — слезы ручьями стекали по моим щекам, а разум отказывался слышать то, что он говорит.

В тот момент мой идеальный мир рухнул. В тот день, когда Яр собрал мои вещи и выставил меня за дверь будучи беременной.

— Я тебе четко дал понять, что ближайшие три года не хочу связывать себя обязательствами. Ты совсем тупая? Что непонятного в моих словах? — он подходил все ближе, словно одна я виновата в том, что в моем животе зародилась жизнь.

Я еще никогда не видела его в подобном состоянии, отчего становилось ещё страшнее. Я прикрывала руками живот, в надежде, что он нам ничего не сделает. Плакала. Кричала, но ему было плевать.

— Яр, но ведь мы..., — в последний раз я хотела вразумить его, но он разбил мои мечты своими резкими словами.

— Нет никаких мы! — безжалостно выдал он в тот страшный день. — Я женюсь через неделю. Больше не появляйся мне на глаза. Я люблю другую, и она родит мне достойного наследника. Возьми деньги и сделай аборт. Не хочу, чтобы этот выродок ходил по земле.

Когда в мое лицо прилетела кучка оранжевых купюр, а перед носом хлопнула стальная дверь, я поняла, что совершенно не знала этого человека.

А сейчас я должна разыскать его и каким-то образом сообщить о ребенке. О нашем ребенке. Рассказать о том, что я не послушала его и не сделала аборт. Яр будет вне себя от злости, но я обязана это сделать.

Ради своего сына. Ради своей кровиночки, которая сейчас борется за жизнь. Потому что кроме этого предателя у нас больше не осталось родственников. Вот только я далеко не та наивная девочка, которую он выставил за дверь в тот роковой вечер. Суровая реальность научила меня жить и бороться за то, что мне дорого, а значит, я сделаю все, чтобы мой ребенок жил полноценной жизнью.

Глава 2

Ева

На ватных ногах покидаю стены больницы, оглядываясь в пустые окна палат. В одном из них остается моя крошка. Мой маленький ангелочек. Он все еще там, а я обязана найти способ, чтобы спасти ему жизнь.

Хочется обессиленно рухнуть на землю и предаться эмоциям, которые разрывают мою душу на куски, но нельзя.

Я не могу быть слабой. Не здесь и не сейчас. Сначала я поставлю сына на ноги, а потом буду думать об остальном.

Трясущимися руками вытаскиваю телефон из кармана джинс. Впервые за эти неполные два года, я готова набрать номер Яра. Номер того, кто растоптал мое сердце и мою любовь. Того, кого я до сих пор не могу простить.

“Абонент временно недоступен” — отвечает автоответчик, и я нисколько не удивляюсь.

Скорее всего, Яр сменил номер в тот же день, как прогнал меня. Наверное, думал, что я буду ему звонить, умолять вернуться, просить поддержки, но нет. Я ни разу не набрала его номер до сегодняшнего дня, потому что такое не прощают. Потому что те слова, что он сказал, невозможно забыть.

Сажусь на скамейку в парке, сожалея о том, что не взяла с собой ничего из теплой одежды. Хотя куда уж там? Разве я думала об этом в тот момент? Когда Матвею стало плохо, единственное, что я видела перед своими глазами, — это его бледнеющее лицо.

Собираюсь с мыслями и лезу в интернет. Такая известная личность, как Миронов Ярослав, обязательно должна была появиться на страницах интернета.

Вбиваю его имя, и первая же ссылка сопровождается его свадебной фотографией.

Сглатываю тугой ком обиды и нажимаю на ссылку.

“Известный предприниматель...”

Бла-бла-бла... Мне абсолютно наплевать на те сказки, что он напел журналистам про свою долгожданную свадьбу с любимой девушкой. Меня интересует другое. Меня интересует, где я могу его найти?

Сайты сменяют друг друга, в глазах начинает рябить от переизбытка информации. Надежда на то, что мне удастся его найти, тает с каждой секундой, пока мой взгляд не цепляется за миниатюрную девушку рядом с Яром.

“Миронова София Александровна — любимая жена известного предпринимателя...”

Кликаю на ее профиль, и на моем лице расцветает довольная улыбка. Еще никогда в жизни я так не радовалась тому, что девушки любят все рассказывать о своей “счастливой” семейной жизни.

“Ярослав подарил мне дом мечты!” — гласит один из постов в социальных сетях, а снизу стоит геолокация.

Сверлю взглядом экран и не знаю, как поступить. Рвануть прямо туда или еще попробовать поискать номер Яра? А ответит ли он мне? Что скажет, когда услышит мой голос? Конечно, отправит в пеший тур в известном направлении, а значит...

Мимо пролетает машина реанимации, и решение приходит моментально.

Я не могу ждать.

Пока отец моего ребенка живет роскошной жизнью, наш сын стоит на пороге жизни и смерти.

Делаю глубокий вдох и вызываю такси на адрес, который четко отпечтался в моей памяти.

Такси останавливается возле огромного дома. Да что уж там. Это настоящий особняк. Огромный и роскошный. Не то что наша однушка на окраине города.

— Вам точно сюда? — водитель с недоверием рассматривает настоящее произведение искусства.

— Если вы приехали на верный адрес, то да, — отвечаю я, а у самой чуть ли челюсть на пол не валится от масштабов.

— Тогда вам можно только позавидовать.

— Было бы чему.

Покидаю теплый салон, чувствуя себя крошечным тараканом на фоне стальных откатных ворот. По всей видимости, Ярослав стал зарабатывать намного больше. Надеюсь, это не повлияло на его человечность.

Глава 3

Ева

Мужчина в строгом черном костюме и с наушником в ухе, вольяжно выходит из-за угла.

— Добрый день, вы к Софии Александровне? — безразличным тоном спрашивает громила.

— Эм, да. Я договаривалась с Ярославом Дмитриевичем о личной встрече с его супругой.

— Впускай! — командует он, и ворота с характерным звуком приходят в движение.

Что я скажу Яру? Я не сделала аборт, а сейчас наш сын нуждается в твоей помощи. Будто он станет меня слушать. В прошлый раз он чётко дал понять, что ни я, ни наш ребёнок ему и даром не сдались.

Делаю шаг, но тут же отступаю назад. Это идиотская идея, но...

Я должна попытаться. Наплевать на свою гордость, я пришла попросить о помощи для нашего сына.

Набираюсь смелости и прохожу в просторный двор. Стоит мне приблизиться к дому, как дверь в дом открывает прислуга.

— Добро пожаловать. София Александровна ждёт вас в зале.

— Спасибо, — мой голос предательски дрожит.

Прохожу внутрь, растворяясь в роскоши обстановки. У Ярослава полно денег, надеюсь ему не составит труда сдать анализы для своего ребёнка и поделиться крошечным кусочком печени.

Дура! Наивная дура! Ты сама прекрасно знаешь ответ на этот вопрос.

— Здравствуйте! — восторженный крик молодой девушки слегка пугает. — Я София — жена Ярослава. Вы из агентства? Верно?

— Из агентства? — переспрашиваю, недоумевая от ее слов.

— Ну да. Ярослав сказал, что нанял девушку, которая будет помогать мне готовиться к материнству. Вы такая молодая, я правда не думала, что может быть такой молодой сотрудник в этом вопросе.

— Мне двадцать три. О какой подготовке вы говорите?

— Ой, в двадцать три, и все знаете о материнстве! Это прекрасно! Мне двадцать пять, и я до ужаса боюсь. Проходите. Я вам всё расскажу.

Следую за ней по просторному залу. Она останавливается возле одной из дверей и в её глазах загорается странный огонёк.

— Вот, хочу вам показать, как мы обустроили детскую комнату для малыша.

— Простите, я совсем не понимаю, о чем вы говорите, — прерываю её я.

— Это вы простите. Я же сама ничего не сказала. Я хочу, чтобы вы научили меня всему, что касается детей. Уход, пеленки, как кормить, одевать! У нас с Ярославом какая-то там несовместимость и мы не можем иметь своих деток, поэтому и решили взять малыша из приюта. Вы же мне поможете?

От её слов впадаю в полный ступор. Ярослав не может иметь детей?

— Я... простите...

Теряюсь, не зная, как подобрать слова. И как я сейчас должна ей сообщить, что пришла вовсе не из агентства, а потому что сын Ярослава нуждается в пересадке органов? Ребёнок, которого у него не получается родить с законной супругой. С той, на кого он променял нашу семью, вышвырнув меня из квартиры.

— Извините, я кое-что забыла. Мне нужно вернуться в машину, — торопливо отступаю спиной назад.

Я не смогу. Не смогу разрушить чужой брак, но ребенок... он же ни в чем не виноват... Я должна была поговорить с Ярославом наедине, прежде, чем вламываться в его дом.

— Любимый, ты вернулся?! — верещит девушка, и я врезаюсь спиной во что-то крепкое.

Точнее, в кого-то, и мой внутренний голос подсказывает, что это Яр. Бессердечный и бездушный Яр. Мужчина, от взгляда которого когда-то у меня подкашивались коленки. От которого трепетало мое сердце, пока он не разрушил всё своими словами.

— Ярослав, ты как раз вовремя. К нам пришла девушка из агентства. Она совсем молодая и всему меня научит. Мы с ней точно поладим, — тараторит его жена, а я боюсь не то что шевелиться. Я боюсь даже сделать вдох, задыхаясь от собственных чувств.

— Здравствуйте, — грозно разносится над моей головой стальной рык.

На заостренных ногах разворачиваюсь, встречаясь с пустым взглядом Ярослава.

Буквально секунда, и он всё осознает. Его взгляд темнеет. Ежусь, но не выдаю своего волнения. Как же давно я его не видела.

— Ева, — шепчет он одними губами.

— Яр, — вторю ему и замолкаю.

Между нами огромная пропасть после всего, что он натворил. Но между двух этих отвесных скал пролегает крохотный мостик. И этот мостик - наш сын, которому требуется срочное лечение.

♥ Мои самые прекрасные читатели! Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и радовать автора своими звездочками. Благодаря вам и вашей поддержке, я набираюсь вдохновения, чтобы творить дальше. ♥

Глава 4

Ева

— Яр, я же говорила, что в этом агентстве самый лучший подход к клиентам. Вот и девушку отправили моего возраста. Я так рада, что это не престарелая женщина с совдеповскими замашками, — радостно излагает его жена, пока я смотрю в некогда любимые глаза и не двигаюсь.

— Софа, я просил тебя не называть меня подобным образом, — рубит с плеча Яр, не оглядываясь на свою супругу.

— Прости, никак не привыкну, что тебе не нравится подобное обращение, — говорит она, вызывая у меня легкую усмешку.

Уж я-то знаю, что ему нравится подобное обращение. Сколько себя помню, я всегда обращалась к нему подобным образом и ни разу не получила от него замечание.

— А как вас зовут? Что-то я так переволновалась, что совершенно забыла спросить имя. Простите меня за невежество. Начнем сначала? Я София. А вы? — лучезарная девушка протягивает мне изящную ладонь с идеальным маникюром.

С трудом отрываюсь от пугающего взгляда Ярослава и мило улыбаюсь девчонке. Да, она старше меня, но у нее в жизни еще столько наивности. В отличие от моей. Я давно разбила свои розовые очки. Точнее, мне помогли разбить их и увидеть жизнь такой, какой она является на самом деле. Жестокой и беспощадной.

— Ева Альбертовна, но для вас Ева, если вы не против, — с вызовом смотрю на своего бывшего мужчину.

— Конечно! Я только за! Не люблю всю эту историю с обращением на “вы”. Как же я рада, что ты мне pomoжешь всему научиться! А у тебя есть дети? — в лоб спрашивает София, выбивая остатки кислорода из моих легких.

Перепуганно поднимаю взгляд на Яра. Он непрерывно сканирует меня в попытках узнать правду.

— Милая, приготовь, пожалуйста, чай нашей гостье, а я пока проведу с ней беседу. Не уверен, что она подходит нам. Кажется, она слишком легкомысленна, работа с детьми требует особых навыков, — больно колет меня словами Яр.

— Ну, Яр... Ярослав, пожалуйста. Давай согласимся на нее. Я чувствую, как легко нам будет с ней сработаться, — гнусавит его жена, пока я держу непроницаемое лицо из последних сил.

— София, чай, пожалуйста. Мы поговорим в кабинете и вернемся. Хорошо?

Ярослав подходит ближе к своей супруге и касается губами ее виска. Неприятно морщусь от столь нежной картины. Меня он никогда не целовал с такой нежностью.

— Прощу вас, Ева Альбертовна, в мой кабинет. Нам есть что с вами обсудить, — холодно говорит он, избегая смотреть мне в глаза.

— Я буду надеяться, что вас примут, — поднимая руки вверх, говорит София. Усмехаюсь ее наивности. Знала бы его, милая, кто я на самом деле.

Ярослав держится довольно беспристрастно, пока мы петляем по коридорам его особняка. Он молчит, но его напряжение прекрасно видно сквозь тонкую ткань белоснежной рубашки. Широкие мышцы спины перекачиваются от каждого его шага.

— Входи, — бездушно бросает он, когда мы останавливаемся у самой дальней двери.

— Хозяин дома, вперед. Не хочу, чтобы меня сочли невоспитанной, — бросаю я, выдерживая его строгий взгляд.

— Как хочешь.

Он проходит внутрь. Следую за ним, но стоит нам оказаться наедине в его кабинете, и в легких заканчивается кислород. Этого пространства слишком мало для нас двоих.

Яр ослабляет галстук, располагаясь в кожаном кресле своего кабинета. Он не торопится задавать вопросы, и я следую его примеру. Молча стою перед ним, рассматривая все, что нас окружает.

Элитная мебель. Изделия из натурального дерева. Дорогие детали интерьера. Все кричит о его достатке. Он хорошо живет, в отличие от нас.

— Ева, к чему этот цирк? Зачем ты здесь? — откинувшись на спинку кресла, проговаривает он куда-то в потолок. — Только не говори, что это случайность и ты реально работаешь в агентстве, — вот сейчас он удостаивает меня своим вниманием, хотя лучше бы продолжал сверлить потолок.

— Нет, я там не работаю и узнала о том, что вы кого-то ищете совершенно случайно.

— Тогда зачем ты здесь? Хочешь претендовать на мои деньги? Увидела, что я поднялся и решила урвать лакомый кусочек? — он вперивает в меня свой пустой взгляд.

Хочется высказать все, что я о нем думаю, но я засовываю свой язык настолько глубоко, чтобы не сорваться и не наговорить гадостей. Он мне нужен. Без него наш сын умрет, а я не могу этого допустить.

Наступаю на горло собственной гордости и подхожу ближе к столу.

Его зрачки мгновенно расширяются. Я знаю эту реакцию его организма. Он хочет меня. Я все еще пробуждаю в нем животные инстинкты. Раньше меня это возбуждало, а сейчас вызывает отвращение. В соседней комнате его супруга заваривает чай, а он думает лишь о сексе.

— Ева, — выдыхая мое имя, он встает со своего места. В два шага оказывается возле меня.

Хочу отстраниться, но не позволяю себе такой роскоши. Тело пробирает озноб от его присутствия. Коленки подкашиваются от страха. Я должна собраться с силами и сказать ему истинную причину своего появления, но мне безумно страшно. Я боюсь его реакции, потому что понятия не имею, как он отреагирует.

Слегка отстраняюсь и выпаливаю на одном дыхании.

— Яр, наш ребенок нуждается в срочной операции, и ты — его единственный шанс на спасение.

Зрачки Яра мгновенно сужаются. В глазах появляется пугающая ярость. Тяжело сглатываю, отступая назад. Он не посмеет мне навредить. Не посмеет же?

Глава 5

Ева

Тугая боль сковывает сердце, пока Яр молча всматривается в мои глаза. Если бы не мой ребенок, то я бы никогда в жизни не переступила порог его дома. Ни за что и ни под каким предлогом, но...

— О каком ребенке ты говоришь? — рычит он мне прямо в губы. — Разве я не дал тебе тогда денег?

От его взгляда хочется исчезнуть, но я держусь. Держусь изо всех сил, потому что только я могу уговорить Яра согласиться помочь нашему ребенку.

— Я... я не сделала аборт, — с трудом проговариваю, выдерживая его строгий взгляд.

— Кто тебе разрешил послушаться меня?

Всего один шаг и Яр становится ближе ко мне. Улавливаю нотки его геля для душа и морщусь. Он приятно пахнет морозной прохладой, но мне мерзко стоять рядом с ним, зная, что он хотел убить нашего малыша.

— Яр, я ничего не просила у тебя все это время. Я ушла. Отступила, когда ты выставил меня за дверь, и если бы не необходимость, то я бы никогда сюда не пришла.

— Значит, я был прав. Хочешь моих денег? — ухмыляется он, отступая на шаг назад. — Думаешь, раз я поднялся на ноги, то ты имеешь право использовать меня в качестве кошелька?

— Мне не нужны твои деньги. Ни копейки. Даже если ты предложишь, то я их не возьму.

— Тогда что? Хочешь разрушить мой брак? Рассказать, кто ты есть на самом деле?! — выкрикивает он, пугая меня до чертиков.

— Н-нет, — от страха голос предательски срывается. — Я прошу тебя только об одном. Сдай анализы на совместимость с моим сыном и помоги спасти его жизнь. Если ты подходишь в качестве донора и согласишься на трансплантацию, то мы навсегда исчезнем из твоей жизни и никогда больше не появимся. Твоя жена не узнает правды. Я никому ничего не скажу.

— Так я тебе и поверил, — фыркает он, подходя еще ближе и оглядывая меня плотоядным взглядом. — Пройдет годик другой, и ты опять заявишься ко мне на порог. У тебя всегда найдется повод таскаться сюда. Знаешь, а ведь тебе не будет всегда везти подобным образом. Как будешь выкручиваться в следующий раз?

От его взгляда становится не по себе. Стараюсь прикрыться, хотя это мне точно не поможет, и он об этом знает. Он видит меня насквозь.

— Нам с Матвеем ничего от тебя не нужно, кроме крошечного кусочка твоей печени. Помоги спасти ему жизнь, и мы исчезнем.

— Красиво говоришь, но что мне с этого будет?

Еще шаг, и он оказывается практически вплотную ко мне. Его ноздри втягивают мой аромат возле яремной впадинки.

— Ты все еще так вкусно пахнешь, — шепчет он, вызывая приступ тошноты. — Какие твои встречные предложения, если я соглашусь сдать анализы?

— Сначала требуется провести диагностику на совместимость. Не любой орган подходит для трансплантации. Если бы все было так просто, то я сама с радостью пожертвовала бы ему свою печень.

— Значит, у тебя не так много вариантов, чтобы спасти свое дитя?

— У меня их нет. Ты единственный шанс, — с трудом признаюсь я. — Если ты откажешься, то он может умереть, не дождавшись подходящего органа. Яр, я обещаю уйти, если ты не подойдешь для трансплантации.

— Ну уж нет. Я не занимаюсь благотворительностью. У меня будут встречные условия.

— Какие?

Переступаю через себя, выдерживая игривый взгляд Яра. Я обязательно дам ему отпор, но сперва Матвейка.

Хищный оскал искажает его ухмылку.

— Я подумаю, что ты можешь дать мне взамен, — цедит он.

— Ярослав, — тело сковывает от ужаса, когда за дверью раздается голос Софии.

— Не бойся так. Она знает нормы приличия и всегда слушается меня. В отличие от тебя.

Последнее он бросает так хладнокровно, что я с трудом сглатываю.

— Входи! — разносится по его кабинету, и дверь тут же открывается.

— Любимый, я принесла вам чай. Ева, надеюсь, мой муж не напугал вас? Иногда он бывает слегка строгим, но на самом деле его сердце всегда горит добрыми намерениями. Разве суровый человек согласился бы взять ребенка из дома-малютки? — болтает она без умолку, а мне стыдно посмотреть в ее глаза. Она такая чистая и искренняя. Так похожа на меня, что становится не по себе.

— Не напугал. Все в порядке. Спасибо за заботу, — нагло вру я, а у самой поджилки трясутся от страха.

— Милый, значит, ты позволишь ей остаться в нашем доме и помочь мне с подготовкой к появлению малыша?

При взгляде на Ярослава, ее глаза горят наивным огоньком.

— Конечно, дорогая. Я позволю Еве Альбертовне остаться в нашем доме, но с одним условием.

— С каким? — одновременно переспрашиваем мы.

— Как выяснилось, у нее есть сын. Сколько ему, Ева Альбертовна?

— Чуть больше года, — мой голос предательски срывается.

— Вот и отлично! Это прекрасный пример, чтобы обучить мою супругу обращаться с детьми. Как вылечите своего ребенка, можете занимать одну из свободных комнат.

— Но...

— Разве не вы хотели пять минут назад помочь своему ребенку? — говорит он с полным равнодушием. — Это мое условие. Если не устраивает...

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я, понимая, что выбора он мне не оставил, — но только если он полностью выздоровеет, — даю ему понять, что наше соглашение будет иметь место, лишь в одном случае. Если он сдаст анализы и сможет стать донором для моего ребенка.

Глава 6

Ева

Уже битый час я лицезрею, как их семейная идиллия набирает обороты. София кружится, как пчелка, вокруг своего мужа, совершенно не подозревая, кто сидит напротив.

— Ева Альбертовна, вы уверены, что вас устраивают мои условия? — с самодовольной ухмылкой спрашивает Яр.

— Ярослав, отстань уже от нашей гостыи. Ты не даешь ей освоиться, — нежно касаясь его руки, отвечает София. — Простите, пожалуйста, за его настойчивость.

— Принеси ужин, — не отрывая от меня своего пронзительного взгляда, говорит Яр своей супруге, и та тут же выполняет его просьбу, скрываясь за дверью.

— Не думай, что я с радостью побегу в твой дом. Сперва анализы и проверка на совместимость, и только в этом случае мы с Матвеем переедем сюда, — пытаюсь дать понять ему, что я не шучу.

— Думаешь, мне настолько наплевать на здоровье нашего сына? Разве моя ЖЕНА, не сказала тебе, что мы не можем иметь детей?

Слово «жена» он выделяет особенно ярко. Словно клеймит ее, указывая, где мое место.

— Сказала, но я слабо верю в твою доброту после всего, через что мы прошли. У тебя, очевидно, есть мысли на этот счет.

— Есть, но их мы обсудим позже. В какую больницу мне стоит приехать и когда?

— Сегодня. Областная клиническая больница. Матвей лежит там, в реанимации, — на последнем слове голос срывается.

Ненавижу Яра каждой клеточкой своего тела. Жизнь слишком несправедлива, раз вновь посмела переплести наши судьбы, но у меня нет выбора. Он единственный шанс на спасение сына, и я его не упущу.

— Хорошо, раз так, то собирайся.

— Куда? — вскакиваю с дивана, как только он отталкивается от стены.

— В больницу. Или тебя больше не волнует твой ребенок? — его брови вопросительно взлетают вверх.

— Единственный, кто меня волнует в этой жизни, это Матвей. Не смей сомневаться в моей материнской любви, — бросаю ему с вызовом.

— Ой! Ярослав, ты уходишь? — с подносом в руках в нас чуть ли не врежется это милое создание.

— Прости, милая, но Ева Альбертовна вынуждена уехать. Не хочу заставлять ее ехать на такси, поэтому отвезу сам.

— Хорошо, как скажешь, — улыбка исчезает с ее лица, и мне становится ее жаль. Она так старалась, чтобы угодить мужу, а он и бровью не повел на ее старания. — Ева, я надеюсь, что ваш малыш поправится и вы в скором времени сможете переехать в наш дом.

— Спасибо, София. Я тоже очень надеюсь, что он пойдет на поправку.

Яр фыркает на мое высказывание и скрывается в коридоре. Семеню следом за ним, боясь оступиться. С таким человеком, как он, шутки плохи. Он и раньше не отличался особой добротой, а сейчас... сейчас все изменилось кардинально. Он стал хищником. У него выросли зубы, и он готов был ими рвать всех, кто ему не по душе.

— Давно ты таким стал? — осторожно интересуюсь я, располагаясь на пассажирском сиденье дорогой машины.

— В каком плане?

— Вот таким черствым и помешанным на деньгах?

— Не тебе судить о моем состоянии. Пристегни ремень и закрой рот.

— Я и не думала, а хотела лишь сказать, чтобы ты более внимательно относился к своей жене. Она заботится о тебе изо всех сил, но ты этого словно не замечаешь, — с грустью отворачиваюсь к окну, за которым всюду разошелся снег.

— Еще одно упоминание моей жены, и ты будешь искать другого добровольца на пересадку печени, — рычит он, вырывая на заснеженную дорогу.

— Спешу напомнить, что Матвей и твой ребенок тоже. Тебе не будет совестно, если ты позволишь ему умереть?

Я знаю. Внутри этой крепко сбитой мужской фигуры есть сердце. По крайней мере оно там было. Раньше.

— Многое изменилось. Я вообще поражаюсь, как у тебя хватило смелости заявиться ко мне домой после всего, что между нами было.

— Если бы не...

— Если, если, если! Хватит ездить мне по ушам. Лучше подумай о себе. Надеюсь, ты не соврала о состоянии своего ребенка и он реально при смерти. В противном случае я собственными руками уничтожу и тебя, и его.

— Не знаю насчет тебя, но я подобным точно не буду прикрываться.

Находиться рядом с Яром - это настоящее испытание. Я чувствую на себе его взгляды, но они лишь вызывают раздражение.

— Здесь налево, — неуверенно произношу, получая заряд адреналина от его высокомерного взгляда.

Плевать. Пусть он считает себя пупом земли. Главное, чтобы его печень подошла Матвею. А дальше... а дальше я найду способ как сбежать от него.

Глава 7

Ярослав

Сворачиваю к крыльцу гребаной больницы, все еще находясь в феерическом ахуе.

У меня есть ребенок. Сын, которого не должно было быть. Сын, в котором я пиздец как нуждаюсь именно сейчас.

Но не стоит обольщаться. Пока собственными глазами не увижу тест ДНК, не поверю.

Мне нужен исключительно мой ребенок, и никакой другой. А если все реально так, как говорит Ева, то это намного лучше, чем наш первоначальный план.

Если бы София могла родить, то я бы не погряз в этом пиздеце.

Несовместимость, блядь, у нас! А кто меня предупреждал об этом, когда я ставил подпись в ЗАГСе?

Хотели сделать эко, но и тут вылезли всякие побочки. Сперва все пошло наперекосяк на стадии анализов, а после и вовсе ее организм отторг эмбрион.

Еще и Ева. Явилась в мой дом вышибая нахрен твёрдую почву из-под ног. Когда увидел её затравленное выражение лица, не сразу все понял.

Как бы я хотел верить в то, что она реально приперлась за моими бабками, но нет. По одному её взгляду было понятно, что она находится в отчаянии.

Сука!

Еще и смотрит на меня так, словно подбитый котенок. Аж в груди все переворачивается, а мне, сука, нельзя. Я ж невзъебанный семьянин с большой буквы. Преданный до мозга костей, как ебучий пёс.

Идеальная семья, с идеальной репутацией. Если бы люди знали, как все обстоит на самом деле!

Не замечаю, как с силой сжимаю руль.

— Яр, — невесомое касание моей руки приводит в чувство.

Оборачиваются в полные надежды глаза и задыхаюсь от собственных чувств.

— Нахуя ты вернулась именно сейчас?! — выкрикиваю, крепче сжимая челюсти. — Не могла подождать?

— Я... я бы не вернулась, если бы не Матвей, — растерянно блеет она, вызывая новый приступ ярости.

— Выходи!

Она послушно покидает салон. Смотрю ей вслед, подмечая неуверенность походки. Она будто боится идти в эту сраную больницу.

Выхожу из тачки, следуя за ней.

— Здравствуйте, можете сообщить Василию Александровичу, что я нашла возможного донора для своего ребенка, — млеет она не своим голосом.

— Здравствуйте, Ева Альбертовна. Сейчас сообщу, — отзывается девушка в небольшом окошечке.

— Получше больницы не нашлось? — осматриваю обшарпанные стены, засранный пол и очередь в приемном покое длинной в жизнь. Да тут сдохнуть будет намного проще, чем дожидаться помощи.

— Здесь работает прекрасный специалист. Василий Александрович, ведёт Матвея с самого рождения, — обращаю внимание на то, как трясутся ее руки. Она боится? Интересно, чего?

— Ева Альбертовна? — к нам подходит седовласый мужчина. Не скажу, что он стар, но вот проседь в его волосах слегка дезориентирует.

— Василий Александрович, я привела возможного донора для Матвейки. Мы можем сегодня взять анализы? — чуть ли не молит она.

— Ева, честно признаться, я не ожидал, что вы приведите его так быстро. Мужчина, представьтесь. Кем вы приходитесь ребенку? — он утыкается на меня своим подозрительным взглядом.

— А это мы с вами и выясним.

— Яр, что ты имеешь ввиду?

— Пока я не получу результаты теста ДНК, можешь и не мечтать, что я вам помогу, — уверенно говорю, глядя ей прямо в глаза. Что, милая, думала, что сможешь меня обдурить и заставить лечь под нож ради непонятого отпрыска?

— Мужчина, вам лучше сперва сдать анализы на совместимость. Это значительно ускорит процесс и позволит нам увеличить шанс на спасение ребенка. Тем более, тест ДНК делают довольно долго. Порой это может занять больше недели.

— Значит, вам стоит поторопиться. Потому что я пальцем об палец не ударю, пока у меня не будет доказательств того, что это мой сын.

Глава 8

Ева

С трудом стою на ногах. От слов Яра, колени подкашиваются. Как он может такое говорить? Его ребенок нуждается в срочной операции, а он намеренно оттягивает время.

— Зачем тебе знать, твой ли это ребенок? Что это изменит? — в горле предательски начинает саднить.

Я так обрадовалась, когда он согласился поехать в больницу, но сейчас... он отнимает у меня единственную надежду. Ту самую кроху, на которую я рассчитывала. Разве я многого прошу?

Спаси нашего сына. Не постороннего ребенка, а нашего! Малыша, которого мы создали, когда я была уверена, что он меня любит.

— Потому что мне нужен наследник. Это должен быть именно мой ребенок, и никакой другой, — цедит он хладнокровно.

— Василий Александрович, прошу нас простить. Дайте мне, пожалуйста, пару минут, — в сторону оттягиваю Яра за рукав. — Я знаю, что не в моей ситуации задавать вопросы и требовать от тебя чего-то сверхъестественного, но почему тебе нужен наследник? Что происходит? Откуда такое непреодолимое желание? Ты готов был взять ребенка из дома малютки, а сейчас требуешь родного сына? — задыхаясь от волнения, осыпаю его вопросами. — Ты требовал сделать аборт! — слегка повышаю голос, но тут же беру себя в руки. — Матвея вообще не должно было существовать. Тогда почему? Зачем?

— Ты права. Не тебе задавать вопросы, — скалится он, склоняясь чуть ниже ко мне. — Если я спасу этого ребенка, то многое изменится. Поэтому постарайся уговорить своего докторишку, чтобы он сделал тест на отцовство как можно быстрее. А то кто знает, может, я успею передумать.

Дыхание перехватывает. По телу ползет настоящая волна ужаса. Яр по-настоящему одержим сыном. В голову лезут картинки, одна нелицеприятней другой.

Как же хочется верить, что он не заберет у меня сына после операции, но я давно не верю в сказки. И то, что в его глазах я вижу настоящий холод, доказывает мои самые страшные мысли.

Он настроен решительно, а значит, мне следует продумать все наперед. Благодаря ему я успела повзрослеть довольно рано. И это определенно играет мне на руку. Особенно то, что он все еще считает меня той наивной дурушкой, которую выставил за дверь.

— Хорошо. Главное, помоги спасти нашего сына, — даю ему понять, что готова на уступки. — Василий Александрович, прошу, помогите мне сделать так, чтобы тест на отцовство сделали как можно раньше. Я готова заплатить, если потребуется. Если в вашей больнице это затянется на несколько дней, то может вы посоветуете другую больницу? — я не теряю надежду.

— Ева Альбертовна, вы же понимаете...

— Понимаю. Я все понимаю, но вы же знаете, что происходит с моим сыном.

— Хорошо, я постараюсь сделать все возможное, чтобы ускорить этот процесс, — соглашается он, вызывая у меня вздох облегчения.

— Ну вот, а говорили, что несколько дней, — самодовольно выдает Яр, воинственно скрещивая руки на груди.

— Я не думала, что ты можешь опуститься еще ниже. Если бы не операция, то ты бы никогда не узнал о сыне.

— Но, к счастью, ты оказалась в безвыходной ситуации, не так ли? — поддевая двумя пальцами подбородок, он посмотрел в мои пустые от боли глаза.

— Я бы никому не пожелала подобного “счастья”. Поверь, ты еще поймешь, что такое оказаться в полном отчаянии, — от обиды в носу покалывает. Хочется сорваться на плач, но я не могу себе позволить такую слабость. Не здесь. Не в его присутствии.

— Ты ничего не знаешь о моей жизни, — проговаривает он мне прямо в губы. Спина покрывается испариной от его интонации. — Кто тебе сказал, что я ничего не знаю об отчаянии? Думаешь, раз я встал на ноги, то у меня нет проблем?

— Разве есть? — выдерживаю его тяжелый взгляд.

— Намного больше, чем ты можешь себе представить, — шипит он, словно королевская кобра.

Его глаза, до этого холодные и расчетливые, вспыхивают яростным огнем. Он резко отпускает мой подбородок. Ошарашенная, отступаю назад, ударяясь о холодную шершавую стену больничного коридора.

Из кармана его идеально скроенного костюма выпадает блестящий предмет. Миниатюрный, изысканно сделанный талисман в виде ключика.

Я подарила его ему на нашу первую годовщину отношений. Буквально за несколько дней до того, как он вышвырнул меня из дома. В тот день я сказала ему, что дарю ключик от своего сердца. Жаль, я не знала, что этим ключом он никогда не воспользуется.

Яр, не торопясь, опускается вниз. Поднимает ключик с пола. Повертев его в руках, словно игрушку, он обращается ко мне с улыбкой, которая заставляет меня дрожать от ужаса.

— Знаешь, а это единственное, что осталось от нас.

Глава 9

Ярослав

— Прошу, следуйте за мной, — с явным осуждением выдает врач.

Если его вообще можно так назвать. Сомневаюсь, что те, у кого нормальная квалификация, сидели бы в этой... дыре. И это еще мягко сказано.

Старая деревянная дверь со скрипом открывается перед нами. Отвратительный запах медикаментов с силой бьет по обонянию. Сдерживаю порыв внезапной тошноты.

— Присаживайтесь. Я возьму у вас соскоб с внутренней щечной поверхности полости рта.

— Почему не кровь?

— Соскоба будет вполне достаточно.

— В вашей богадельне мне не занесут никакую заразу? — от обстановки вокруг не будет напрягаться только умалишенный или человек без единой капли инстинкта самосохранения.

— До вас не было ни единого случая, — на подкатном дребезжащем столике появляется конверт. Хрень, похожая на длинную ватную палочку и стакан воды.

— Фамилия.

— Миронов Ярослав Дмитриевич.

— Прополощите, пожалуйста, рот, — мне протягивают стакан с прозрачной жидкостью. Поднимаю его вверх, чтобы убедиться, что в нем ничего не плавает. — Это кипяченая вода, чтобы удалить остатки пищи и напитков.

— Без вас понял, — выполняю то, что просят, сплевывая в специальную емкость.

— Проглотите слюну и откройте рот. Я соберу необходимый материал и отправлю в лабораторию.

Этой хутой он залезает ко мне в рот, возюкая из стороны в сторону. Затем отправляет ее в подписанный конверт и упаковывает.

— На этом все?

— Да. Этого вполне достаточно.

— Спасибо, — сухо бросаю я, оторвавшись от скрипучей кушетки.

— Вас совершенно не интересует состояние сына? — как бы невзначай бросает врач, не отрываясь от своих рутинных дел.

— Вы еще не доказали, что он мой.

— И все же?

— Хотите провести воспитательную беседу? Думаете, я в ней нуждаюсь?

— Ни в коем разе. Мужчин с властью и деньгами невозможно воспитать. Они либо обладают такой чертой характера, как человечность, либо нет. Третьего варианта не дано.

— А вы, как я посмотрю, дохуя в людях разбираетесь? Или судите исключительно по внешнему виду? Не боитесь, что вылетите отсюда со свистом?

— Нет. Мне бояться нечего. Я бы и сам давно ушел, но больше нет специалистов, которые могли бы проводить трансплантацию детям.

— Ну, раз так, то осведомите меня, нахуя мелкому нужна пересадка? Разве медицина не шагнула вперед и не перестала резать людей при любом удобном случае?

— Вы спрашиваете из интереса или вам действительно важно состояние ребенка?

— Это не имеет значения. Говорить будете или нет?

— У вашего сына...

— Он еще не мой сын, — обрываю его попытки обнадежить меня раньше времени.

— Как вам угодно. Основной сути вопроса это не меняет. У не вашего сына, — делает он акцент, — есть врожденная аномалия развития. Практически с самого рождения мы приме-

няли лекарственные средства для стабилизации его состояния, но появившаяся недавно дискинезия желчевыводящих путей, усложнила нам задачу.

— Что вы имеете в виду?

— Из-за дискинезии возникла желчнокаменная болезнь. Все произошло в крайне сжатые сроки. Отсюда всплеск билирубина. Его печень и без того работала не на полную мощность, а навалилось еще больше. В итоге она не справилась и развилось то, чего мы опасались больше всего.

— И что же это? — мне бы оставаться хладнокровным и плевать на все с высокой колокольни, но черта с два.

— У ребенка развился билиарный цирроз печени. К сожалению, никакие лекарства не смогут ему помочь. Необходима пересадка органа. Если вы боитесь за состояние своего здоровья, то хочу сказать, что печень обладает саморегенерацией. Она способна восстанавливать до семидесяти процентов потерянной массы и функций всего за считанное количество недель.

— Да поебать на мое здоровье. Лучше скажите, какой нахуй цирроз?! Совсем за долбаеба меня держите? Ева сказала, что ему год. Откуда, блядь, цирроз? — отхожу к двери, находясь в ахуе. Цирроз у ребенка! У ребенка, блядь! — Он же не алкаш какой у подъезда, чтоб словить эту хуйню!

— К сожалению, не всегда все зависит от образа жизни. Бывают и аномалии развития. Советую поторопиться с принятием решения и со сдачей анализов. Вы можете стать его единственной надеждой на спасение.

— Какие анализы надо сдать и в какие сроки? — опускаюсь обратно на кушетку.

— Я выдам вам список. Он довольно внушительный. Если хотите, то часть анализов я могу взять прямо сейчас. Чем быстрее мы проведем ваше обследование, тем больше шансов на спасение.

— С первого раза понял. Давайте свой список. И не забывайте, что я жду результатов теста на отцовство.

Глава 10

Ева

— Завтра в восемь жду тебя в своем доме, — цинично бросает Яр, оставляя кабинет Василия Александровича.

— Хорошо, — отвечаю на автомате.

Его крепко сбитая фигура удаляется, а я так и остаюсь стоять на месте.

— Василий Александрович, что... он...

— Не переживайте. Отец ребенка сдал анализы на отцовство.

— А...

— Я взял у него материалы для донорства, которые мог. Дальше все зависит от него и его решения. Если он успеет вовремя, то с большей долей вероятности могу сказать, что мы проведем операцию в срок.

— Значит, он согласился быть донором моему сыну? — в груди все распирает от облегчения.

— Я не уверен, что отец вашего ребенка тот, за кого он себя выдает, — вглядываясь в пустой коридор, говорит лечащий врач Матвея. — Да и не могу дать гарантии, что он продолжит сдавать анализы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Еще не знаю, но очень надеюсь, что мы с вами справимся со всем вместе и поставим Матвея на ноги. Главное, не теряйте надежды.

— Не потеряю. Я очень надеюсь на то, что Матвей совсем скоро сможет обнять меня своими крохотными ручками и назвать мамой, — в уголках глаз застывают слезы отчаяния. — Вы позволите мне с ним встретиться?

— Конечно, но недолго, учитывая столь поздний час. Думаю, Матвей спит.

— Я буквально на несколько минут. Увидеть его и убедиться в том, что он... что он жив, — закусываю губу, боясь думать о неблагоприятном прогнозе.

— Хорошо, но Ева Альбертовна, как бы сильно я не хотел вам помочь, вы должны помнить, что мало найти донора.

— Я помню, Василий Александрович.

— Квоты из федерального бюджета придется ждать очень долго.

— Да, спасибо. Я делаю все возможное, чтобы собрать нужную сумму. Еще с первых дней, как я узнала о его болезни, начала откладывать деньги на возможную операцию.

— Пока сумма не изменилась. Вам потребуется порядка трех миллионов рублей.

Эта сумма все еще вызывает во мне приступы содрогания. Откуда у человека при смерти могут быть такие деньги?

— Я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, чтобы собрать нужную сумму в срок. Главное, чтобы отец ребенка подошел по всем показателям.

— Вы правы. На первом месте совместимость донора с пациентом. Мне стоит вас проводить или вы...

— Я знаю, где лежит мой сын. Спасибо.

Ноги словно налиты свинцом. С трудом передвигаю ими, направляясь в сторону реанимационной палаты. Там. В полном одиночестве лежит моя крошка.

Беспрепятственно прохожу по этажу, останавливаясь только у палаты.

— Ева Альбертовна, возьмите одноразовый комплект. Я понимаю, что эти ограничения сняты, но может..., — любезно говорит медсестра, протягивая мне халат, маску, шапочку и бахилы.

— Спасибо, я надену, — обессиленными руками беру комплект, облачаясь во все синее.

— Василий Александрович, попросил дать вам не больше пяти минут.

— Хорошо. Мне будет достаточно.

С трудом сглатываю, переступая порог палаты. Тихий писк приборов раздается со всех сторон. Мой малыш лежит на кушетке, тихо посапывая. Он такой крошечный среди всех этих приборов, издающий противный писк.

Сдерживаюсь из последних сил, чтобы не заплакать.

Нельзя. Никак нельзя давать волю чувствам, в противном случае меня больше к нему не пустят.

— Мой мальчик, — опускаю свою руку на его, морщась от спиртового запаха антисептика. — Мама очень ждет, когда ты поправишься. Знаешь, я бы очень хотела остаться вместе с тобой в этой пугающей больнице, но мне надо срочно найти деньги на операцию. Мы не можем ждать, а значит я должна поторопиться, — шепчу, поглаживая его маленькую ладонь.

Как бы я хотела остаться здесь и не выпускать его руку из своей. Поддерживать. Дарить ему свое тепло и внимание но не могу. Я обязана найти деньги на его операцию, чтобы быть готовой к любым обстоятельствам.

Надо же, но я не в первый раз жалею о том, что у нас с ним нет бабушек и дедушек, которые могли бы его поддержать и остаться рядом. У нас не осталось никого, кроме Яра и его матери, которая должна называться бабушкой Матвея, но я никогда не расскажу ей о внуке. Не после того, что она вытворяла. Я сделаю все, чтобы мой ребенок избегал этой бессердечной семейки.

— Приятных снов, мой милый, — посылаю воздушный поцелуй, через силу отпуская ручку сына. — Я скоро вернусь.

Глава 11

Ярослав

— Привет, ты уже вернулся? — босиком шлепая по холодному паркету и сонно потирая глаза спрашивает София.

— Да, около часа назад, — безразлично бросаю ей в ответ, а в голове никак не укладывается информация о циррозе.

— Будешь ужинать?

— Если накормишь, то буду благодарен.

Утыкаюсь в телефон в попытках найти хоть какую-нибудь информацию о диагнозе.

— Видимо, Ева живет далеко, да? — тянет София, принимаясь греметь посудой, чтобы подогреть мне ужин.

— Верно. Пока доехали, все проклял. В следующий раз лучше вызвать такси. Слишком дорогое удовольствие катать её на тачке бизнес-класса.

— А мне кажется, что она заслуживает и не такого.

— В смысле? — отрываюсь от экрана с очередной статьей.

— Не знаю, как описать, но она показалась мне довольно приятной. А еще её взгляд. Она будто нуждается в помощи. Держи, — на столе появляется тарелка с пюре и котлетами и вилка. — Если хочешь, то приготовлю салат.

— Не стоит. Не утруждай себя посреди ночи. У тебя все в порядке?

— Почему спрашиваешь? — уточняет она и садится напротив меня за стеклянным столом.

— По лицу видно, что чем-то расстроена, — отправляю котлеты в рот. Неплохо. Особенно если взять в расчёт, что я плачу повару столько, сколько обычный человек за полгода не видит.

— Сегодня папа звонил, — говорит она, уводя взгляд в сторону.

— И?

— Все как всегда. Попытались поговорить, но в итоге опять поругались.

— Пора привыкнуть, — безразлично отвечаю жене, отправляя в рот остатки пищи.

— Знаю, но он мой папа, и такие отношения все еще вызывают у меня грусть.

— С таким отцом врагов не надо, а ты сопли на кулак мотаешь после каждого вашего разговора.

— Ты прав. Давай лучше поговорим о Еве. Ты позволишь ей остаться в нашем доме? — её голос полон надежды. Она переплетает пальцы рук, навалившись на стол и заглядывая в мои глаза.

— Да. Завтра жду её к восьми утра. Поговорите, обсудите, что и как. Тебе стоит набраться опыта у неё. Также возьми на вооружение, что есть вероятность того, что она будет жить в нашем доме вместе с ребенком.

— Жить с нами? С ребенком? — София отстраняется немного дальше. — Я не очень понимаю. Если бы она просто приходила к нам с ребенком, позволяя мне привыкнуть к детям, то я бы еще поняла, но жить... Ярослав, ты не перегибаешь?

— Все уже решено. Тебя что-то не устраивает? — встаю со своего места, отправляя тарелку в посудомойку.

— Но...

— Есть возражения?

— Нет. Все в порядке. Просто немного растерялась.

— Хорошо. Я пойду к себе в кабинет.

— Ты опять не останешься ночевать в спальне?

— Нет. У меня полно дел. Буду считать успехом, если удастся поспать хотя бы пару часов. А ты ложись. Тебе следует больше отдыхать, — губами касаюсь её виска.

Это отчасти стало нашей традицией. Я редко сплю вместе с женой в одной кровати и компенсирую это дорогими побрякушками и приступами вот такой банальной нежности. Иначе не умею. Я не создан для любви. Больше не создан.

— Яр... — выкрикивает она мне вслед, но осекается и исправляется. — Ярослав, может, обсудим усыновление?

— Что ты хочешь обсудить помимо того, что уже оговорено?

— Я подала заявку в дом малютки. Надеюсь, что наше заявление одобрят, и нужно будет съездить туда, чтобы поговорить с заведующей и...

— Кто просил тебя лезть не в свое дело? — закипаю от злости. Не в первый раз она лезет туда, куда её не просят.

— Просто ты все время занят, и я подумала, что...

— В следующий раз, прежде чем подумать, возьми в руки телефон и позвони мне, — спокойней говорю я. — А сейчас вернись в спальню. Спасибо за ужин.

Закрываюсь в кабинете, возвращаясь к истории поиска. Очевидно, что врач не врал. Если у малого цирроз, то это ох как плохо!

Вытаскиваю из кармана список обследований и слегка присвистываю.

Это же сколько времени потребуется, чтобы пройти это все? И сдалось ли мне это все? Еще и София со своим навязчивым желанием поскорее обзавестись ребенком. Будто люди вокруг полнейшие идиоты и не поймут, что он приёмный. Предлагал же ей сделать все как положено.

Отправил бы ее за границу на годик, а вернулась бы она с ребенком на руках. Нет же! Надо быстрее. Сразу видно, что дочь своего отца.

Телефон на столе засветился. Нехотя тяну к нему руку, не сомневаясь в том, кто пишет. "Можешь говорить?"

Закатываю глаза. Блядь! Хоть бы раз попробовала меня удивить.

— Чего тебе? — перезваниваю абоненту.

— Ярчик, солнышко, я соскучилась, — млеет женский голос, и я знаю, что ей надо.

— Сколько?

— Ну что ты все о деньгах, да о деньгах. Я же действительно по тебе соскучилась. Когда ты в последний раз у меня дома был? Неделию назад? Две?

— Месяц. Так сколько в этот раз?

— Двести.

— Не удивила. Скину в течение получаса. Ждет?

— Конечно. Когда приедешь? Я, правда, скучаю по тебе. Ты в последнее время сам не свой. Совсем обо мне забыл. Это твоя жена так влияет на тебя? Она что-то заподозрила?

— Мои семейные дела не должны тебя волновать. Если ты закончила, то я пойду. У меня есть более важные дела.

— Хорошо, спасибо.

Отключаю вызов, не слушая, что последует дальше. Каждый раз одно и то же. Но вот по поводу Софии она права. Ей жуть как не нравится наше общение, и её подозрения небезосновательны.

Глава 12

Ева

Еще раз пересчитываю накопленную сумму. Здесь едва хватает на треть операции. Если я сейчас постараюсь найти подработку на полный день, то, возможно, успею...

Что я успею?

Бред!

Даже если я буду работать сутки напролёт в какой-нибудь доставке, где обещают по пять тысяч за смену, то все равно не успею накопить еще два миллиона.

Два миллиона! Я никогда в жизни не держала в руках такие деньги.

Спокойной. Надо подумать о происходящем и взять себя в руки.

Ярослав. Вновь все упирается в него. Я говорила, что мне не нужны его деньги, но это не так. Нужны. Очень нужны.

Не понимаю, как оказалась зависима от него. От его решений. Как моя жизнь и жизнь нашего ребенка попали в его цепкие руки.

Собираю всю волю в кулак. Прячу деньги в комод и собираюсь.

Ярослав сказал приехать к восьми. Боюсь даже представить, что меня сегодня ждет. Остался всего час.

Я успеваю. Главное не выдавать своих страхов и быть уверенной.

Приезжаю на известный адрес. Сегодня меня впускают без всяких вопросов.

Иду по гравийной дороге к дому, а у самой ноги подкашиваются от страха. Он ничего не объяснил. Не сказал, сдаст ли анализы, а я все равно здесь. Потому что сейчас он ставит условия.

— Прошу вас, — дверь открывается, стоит мне ступить на первую ступень крыльца.

— С-спасибо.

Сердце так сильно бьется в груди, что мне чудится, будто его слышат все вокруг.

— Ева! Добро пожаловать! — с распростертыми объятиями меня встречает София.

Так искренне и тепло, прижимает к себе. На её лице играет обворожительная улыбка, а я с трудом могу выдавить из себя нечто, больше смахивающее на оскал.

— Ярослав сказал, чтобы я приехала к восьми. Прости, что немного задержалась. На дорогах из-за снегопада жуткие пробки, — говорю ей, то и дело оглядываясь по сторонам.

Я не вижу Ярослава, но чувствую его взгляд на себе. Он настолько очевидный и пугающий, что спина покрывается испариной.

— Ничего страшного. На самом деле я не знаю, почему мой муж решил, что тебе стоит приехать так рано.

Слово “муж” режет слух, словно скальпелем по живому... без анестезии.

Напрягаюсь еще сильнее, когда краем уха улавливаю тяжёлые шаги. Дыхание сбивается. Я не готова сталкиваться с ним снова и снова. Мне страшно смотреть в его холодные глаза, потому что я не знаю, что в них таится.

Раньше я с легкостью читала каждую эмоцию в его глазах, но сейчас меня прошибает разрядом тока, стоит ему повернуть голову в мою сторону.

— София, — гортанно произносит он, и я забываю, как дышать.

Боюсь обернуться. Пошевелиться. С радостью бы растворилась, как снег весной, но сижу на месте. Держу спину ровно, не показывая всей бури в груди.

— Да, — девушка подскакивает со своего места, принимаясь застегивать запонки своему мужу.

Запонки, которые я подарила ему, а он посмеялся.

— *Зачем мне запонки? Я же никогда в смокингах ходить не буду. К чему пустая трата денег?*

— *Смотри, какие они красивые! Знаешь, мне кажется, что когда мы станем старше, тебе очень подойдут костюмы.*

Но все это в прошлом. В далеком и беспросветном прошлом, о котором стоит забыть, но я не могу.

— Опять эти надеваешь? Может возьмешь другие? Люди подумают, что у тебя нет других запонок. Хочешь, я куплю тебе новые? — шепчет она, пока Яр сверлит меня взглядом.

Не оборачиваюсь. Не смотрю, но чувствую, как его взгляд скользит по мне, а следом за ним по телу проносится опаляющая волна жара.

— Мне плевать, что подумают другие. Эти меня вполне устраивают, — говорит он с нажимом.

Тяжело сглатываю и откашливаюсь, прочищая горло. На лице Яра, должно быть, сейчас самодовольная ухмылка. Он задел меня за живое и прекрасно об этом знает.

— Когда вернешься?

— Не понял? С каких пор ты меня контролируешь? — от его тона, обращенного не ко мне, вжимаюсь в диван.

Надо научиться брать себя в руки, когда он рядом. Перестать бояться, но как если...

— Прости, просто спросила, — мило отвечает София. Краем глаза замечаю, как она встает на носочки, чтобы коснуться губ своего мужа, но он отворачивается и поцелуй приходится в щеку. — Хорошего дня, — говорит она так, словно ничего не произошло.

— Яр! — выкрикиваю, спохватившись, что мы не обсудили мою работу и... Вообще ничего не обсудили!

София прижимает руку ко рту, замирая в немом крике. Яр останавливается в дверях, чуть ли не кромсая мое тело на кусочки своим взглядом.

— Ярослав... Дмитриевич, — исправляюсь я, с трудом сообразив, откуда столь бурная реакция. — Я бы хотела обсудить детали нашего сотрудничества, — голос дрожит, но это не от страха, а от того, что в глазах Яра вспыхивает дьявольский огонь.

Глава 13

Ева

Дыхание сбивается.

Многозначительный взгляд Яра, а следом хищная ухмылка, и вся моя уверенность летит в бездну.

Интуитивно вжимаю голову в плечи.

— Ярослав, не сердись. Я знаю, что тебе не нравится, когда к тебе обращаются сокращённо, — лебезит София, но Яр не видит ничего. Его взгляд отрешенный. Зрачки темные. Они затащили собой всю радужку глаз.

— За мной. В кабинет, — цедит он, и я уверена, что слышала, как хрустят от злости его зубы.

— Прости, — извиняющимся тоном тянет София, провожая меня взглядом.

Следую за Яром. Ноги подрагивают, и если бы не плоская подошва тапочек, что мне выдали при входе, то я бы точно рухнула на пол.

Он разворачивается ко мне лицом и толкает дверь в кабинет рукой.

— Заходи.

Это не просьба. Это приказ. Приказ, который не подлежит обсуждению.

Делаю шаг в кабинет и останавливаюсь.

Не дышу. Не моргаю. Хотя в этом и нет нужды. Я все равно ничего не увижу из-за непроглядной тьмы, хотя на дворе утро. В зале, где мы сидели ранее, уже было светло от утреннего света. Да, не так, как летом в этот час, но вполне комфортно.

Но не здесь.

В этом кабинете непроглядная ночь.

Вздрагиваю, когда за спиной раздаётся хлопок двери. Натягиваюсь как трос эквилибриста, когда он стоит на нём над пропастью.

— Тебе стоит быть осторожней с высказываниями, находясь в моем доме, — вкрадчиво шепчет Яр позади меня.

Я его не вижу, но чувствую. Он близко. Позади меня. Его крепкие плечи заслоняют собой мою утонченную фигуру.

— Извини, — хрипло вырывается у меня.

— О чем ты хотела поговорить?

Он продолжает стоять позади меня. Напряжение нарастает. Все органы чувств работают на максимуме. Слух обостряется. Я ничего не вижу, но стараюсь улавливать каждый шорох за своей спиной.

— Что будет входить в мои обязанности? — сглатывая, спрашиваю я. — Значит ли, что ты готов сдать анализы на донорство, раз сказал прийти сюда? — за спиной раздаётся хлопок. Вздрагиваю, зашуривая глаза, а сердце пропускает удар.

— Не слишком ли много вопросов в твоём положении?

Крепкая мужская тень обходит меня стороной. Горячее дыхание обжигает кожу щеки, опускаясь ниже. Задираю голову вверх, избегая этого контакта. Мои руки крепко сжаты. На глазах вот-вот выступят слезы отчаяния.

За дверью раздаются чьи-то тихие шаги. Затаив дыхание, боюсь пошевелиться.

Все заканчивается ровно так же, как и началось.

Молниеносно. Будто наваждение. Тёмная пелена слетает с моих глаз и кабинет озаряет яркий свет.

— В ваши обязанности Ева Альбертовна будет входить довольно стандартный перечень. Я приготовил для вас распечатку. Ознакомьтесь с ней внимательно и если вас все устраивает, то поставьте свою подпись.

Трясущимися руками касаюсь края бумаги. Палец пронзает острая боль.

— Ай!

Одергиваю руку, замечая небольшой сочащийся кровью порез. Яр со мной играет. Испытывает мое терпение. Мстит.

Я понятия не имею, что именно он задумал, но не могу попасться в его сети.

Его брови спадают к переносице. Не говоря ни слова, он в два шага преодолевает расстояние между нами. Берёт мою руку в свою огромную ладонь и наклеивает пластырь. Вот так по-домашнему. Без пылающей ярости в глазах. Молча.

— Есть вопросы, по договору?

Его тон приобретает стальные нотки. Никакой заботы или угрозы. Общение начальника и подчиненного.

— У меня есть время, чтобы изучить документы? — пальцем подклеиваю края пластыря.

— Постарайтесь уложиться до вечера, — по-деловому бросает он, поправляя запонки на рубашке. Мои запонки. Те, которые я так долго выбирала.

— До вечера? А что будет вечером?

— Вечером я вернусь с работы и мы обсудим все ваши замечания, — говорит он одно, но на его лице написано совсем другое. — Прошу. У меня нет времени, чтобы задерживаться дома ещё дольше.

Стоит ему договорить, как за дверью вновь раздаются тихие шаги. Яр моргает, глядя на меня, и спустя пару секунд выжидания открывает дверь. Выглядываю, но там никого нет. Словно все это мне слышалось или...

Глава 14

Ева

В коридоре действительно никого. Яр бросает взгляд через плечо, оставляя меня одну. Что это было? Неужели София подслушивает разговоры супруга?

Нет! Не верю. Она бы не стала такого делать. Надо собраться с силами.

Не представляю, как возвращаться к Софии и обучать её. Сжимаю в руках договор, что сунул мне Яр. Палец слегка саднит. Всегда так. Порез от бумаги для меня намного больнее, чем ножом.

Как воришка, крадусь по коридору.

— Вы закончили? — нервно щелкая пальцами, спрашивает она.

Увожу взгляд в сторону. Мне стыдно смотреть ей в глаза после того, что произошло в кабинете её мужа. Чувствую себя грязной. Яр ни разу не коснулся моего тела, но я все еще чувствую его обжигающий взгляд на себе.

— Да, — прячу договор за спину.

— Умоляю, скажи, что он тебя не уволил?

— Эм, вроде нет.

— Фух, я так рада. Ты не представляешь. Он уволил в доме всех, кто хоть раз называл его Ярм, — она тянет меня за руку и обессиленным мешком валится на диван. — Садись, ты чего стоишь, как неприкаянная? Давай знакомиться.

— Твой муж уже ушел? — осторожно оглядываюсь, боясь, что он может внезапно возникнуть перед нами.

— Да. Сразу после вашего разговора. Пролетел, как комета над Парижем. Злющий такой. Я сначала подумала, что все. Хана тебе! А нет. Смотри, вполне жива и невредима. Знаешь, а ты довольно стойкая. Мало кто выдерживает разговоры с ним наедине. Обычно сразу с ужасом убегают.

— Я не из робкого десятка, — натянуто улыбаюсь, а у самой кишки сворачивает от пережитых недавно эмоций.

— Это хорошо, а то я ни с кем не успеваю подружиться, как они увольняются. Надеюсь, ты продержишься дольше.

— Почему он уволил тех, кто называл его Ярм? — внезапно спрашиваю и замолкаю. — Не подумай, что я лезу не в своё дело, но...

— Все в порядке. Это нормальный вопрос. Не могу ответить тебе четко, но с первого дня, как мы с ним поженились, он то и дело ворчит на меня, когда я так его называю. Может, травма какая-то психологическая. Сейчас, наверное, сама знаешь, куда не плюнь, все травмированные какие-то. Ну, или, может, не нравится ему и все. Вот он и истерит на этой почве.

— Ясно, я тебя поняла. Постараюсь больше не называть его так, чтобы не уволил, — улыбаюсь этой лучезарной девчонке. Если бы не обстоятельства нашего знакомства, то мы могли бы стать подругами. Порой их очень не хватает. Ведь они все исчезли с рождением моего сыночка.

— Ева, с чего начнем? Я, честно говоря, прочитала кучу литературы на тему детей и их воспитания, но понятия не имею, что с ними делать вживую.

— Давай попробуем начать с азов. Я видела, что многие используют куклу как своего рода тренажер. Можем попробовать.

— Ты тоже так училась? Честно признаться у меня внутри все переворачивается, когда я думаю о детях. Это так... так... волнительно!

— Нет. Я не использовала кукол и вообще научилась всему сама. Жизнь иногда заставляет, поэтому не до обучения.

— Правда? Я тобой восхищаюсь. Вот так взять и родить, не думая о том, как обращаться с крохой, — говорит она так, словно я пришельца родила, который полностью отличается от человека.

— Ты смешная, знаешь? В чем-то даже меня напоминала пару лет назад.

— А я говорила, что мы с тобой найдем общий язык! Ну так что? Пойдем выбирать куклу.

— Куда?

— На маркетплейс. Удобно же. На улице такая дуботрясина, что туда лишний раз и носа показывать не хочется.

— Хорошо, но я не знаю, какую брать.

— Ну, вместе и выберем.

София втягивает меня на кухню, словно мы давние подруги. В груди разливается приятное тепло от такого отношения. Мне, как человеку без какой-либо поддержки, это как улада. На лице непроизвольно вырисовывается улыбка.

Жаль только, что все рухнет, когда она узнает правду. Но сейчас мне так хочется побыть эгоисткой и подумать о себе. Впервые за всю свою жизнь я хочу насладиться этим крошечным моментом радости и подарить себе пару дней беззаботности, если так вообще можно сказать, учитывая мою ситуацию.

— Соф! Ой, прости, можно тебя так называть или ты предпочитаешь полное имя?

— Как тебе удобно. У меня нет заморочек на эту тему. Я тебе приготовлю обалденный смузи. Попробуешь и будет не оторвать. Я пью его очень давно. Мне врачи прописали.

— Соф, — осторожно начинаю я.

— А?

— Почему вы с Ярославом хотите усыновить ребенка?

— Ч-ш-ш!

В секунду она оказывается рядом со мной, закрывая рот рукой. Прикладывая палец к своим губам, она дает понять, что я должна молчать.

Вокруг полнейшая тишина, но София продолжает прислушиваться.

— Не стоит поднимать эту тему в нашем доме. Знаешь, говорят, что и у стен есть уши, — шепотом говорит она.

Согласно киваю.

— У нас с Ярославом несовместимость, но мы не теряем надежды, поэтому я решила подготовиться заранее, — уже громче добавляет она, возвращаясь к своему смузи.

— Что за несовместимость?

— Не знаю. Врачи сказали, что исходя из наших анализов, у нас крошечный процент завести ребёнка. Мы даже хотели попробовать эко, но и тут не получилось. Мой организм отторгает эмбрион.

— Но ведь вы вместе не так долго. Не стоит отчаиваться и... идти на крайние меры, — говорю с намёком.

— Мы не отчаиваемся. Будем пробовать, пока не получится. Говорят, что первое эко мало у кого заканчивается полноценной беременностью.

Смотрю на Софию и то, с каким спокойствием она говорит о подобных вещах, и у меня появляется странное предчувствие. Она хочет что-то скрыть от меня? Или от кого-то ещё. Потому что ни одна девушка в её возрасте не будет так радостно говорить о том, что не может иметь детей с собственным мужем, и это слегка напрягает.

Глава 15

Ева

В миллионный раз за последние три дня я вчитываюсь в текст контракта, который предложил мне Ярослав, и ничего не понимаю. Я бы даже с радостью ему позвонила, несмотря на наши взаимоотношения, чтобы уточнить некоторые моменты, но у меня нет его номера телефона.

Дома его тоже не бывает с тех пор, как мы виделись в последний раз в его кабинете. Честное слово, необъяснимая ситуация.

“Белова Ева Альбертовна обязуется проводить ежедневные инструктажи по уходу и воспитанию детей для Мироновой Софии Александровны. Оплата за выполнение трудовых обязанностей происходит еженедельно, по количеству отработанного времени. Исходя из почасовой оплаты труда. Оплата за час работы строго фиксирована и не меняется в зависимости от рода деятельности. Оплата за час составляет две тысячи рублей.”

Вновь возвращаюсь к своим подсчетам. Если я буду проводить в доме Ярослава хотя бы по восемь часов, то за месяц смогу заработать почти полмиллиона.

Боюсь даже спросить, откуда он вообще такие расценки взял. Собственно, ради этого я бы и хотела с ним встретиться. Это крайне высокая стоимость моих услуг. Особенно учитывая, что с Софией мы больше разговариваем не о чем, нежели о детях. Да я и представить себе не могу, что можно рассказывать про уход за ребенком так долго.

— Привет, — набираю номер Софии. В отличие от ее мужа, она с радостью поделилась своим номером и всегда рада поговорить.

— Привет, ты уже едешь ко мне? — тут же бодро отзывается она.

— Еще нет. Буду выезжать буквально с минуты на минуту. Соф, слушай, а Ярослав случайно не дома? Я бы хотела обсудить с ним контракт, — аккуратно интересуюсь я у нее, еще раз всматриваясь в цифры с предполагаемой заработной платой.

— Нет. Он уехал еще с утра. Думаю, раньше часов десяти вечера его ждать не стоит.

— Опять?

— Ну да. Он редко возвращается домой до полуночи.

— И ты не переживаешь?

— Нет. У него сложная работа. Я все понимаю. Управлять сразу несколькими предприятиями не так просто.

— А что если у вас появится ребенок? Получается, что он практически не будет видеть отца? — в сердце больно кольнуло. Это неправильно. Так не должно быть. В полноценной семье малышу необходимы оба родителя, и если бы у Матвея был папа...

Прикрываю глаза, подавляя очередной приступ жалости. Никогда бы не подумала, что мой ребенок будет расти без отца.

— Не знаю. Честно признаться, я пока с трудом представляю наше будущее, если оно вообще возможно, — последнее она добавляет намного тише. В какой-то момент я начинаю сомневаться, что вообще это слышала.

— Извини, я, наверное, лезу не в свое дело.

— Все в порядке. Ты многого не знаешь, но я чувствую, что скоро ты со всем разберешься. Слушай, — тут же ее голос становится бодрым и полным сил, — если у тебя действительно серьезные вопросы относительно контракта, то я могу подсказать тебе, как найти Ярослава. Но учти. Это действительно должно быть очень важно. В противном случае он может тебя уволить, да и мне прилетит нехило. По-крайней мере на скандал точно нарвусь.

Еще раз смотрю на контракт. Это важно. Очень важно, потому что сумма, указанная в контракте, очень большая. Да, я рада, что такие деньги могут упасть на меня буквально с неба,

но, по большому счету, они не помогут мне оплатить операцию Матвею. Потому что у меня нет столько времени, а значит, в любом случае мой единственный выход — это кредит. И то, мне еще придется постараться найти банк, который согласится дать заем или...

— Софа, это очень важно. Я не могу работать в полной мере, пока не разберусь со всеми пунктами. Подскажи, пожалуйста, как я могу найти Ярослава.

— Хорошо. Я отправлю тебе адрес. Надеюсь, вы сможете разрешить ситуацию с контрактом. Я бы не хотела потерять такого сотрудника, как ты, — сникает ее голос, и я понимаю почему.

За те несколько дней, что я провела в их доме, я смогла убедиться в том, что подруг у Софии совершенно нет. Мы два одиночества, встретившиеся при очень плачевных обстоятельствах, и от этого на душе мне становится еще хуже, ведь я та, у кого есть ребенок от ее мужа.

— Спасибо, я постараюсь все уладить, — отклоняю вызов, обессиленно опускаясь на кровать. Я не должна была с ней дружить, но она такая чистая и открытая, что...это было нереально. Я не могла не проникнуться ей.

Вздрагиваю, когда телефон в руках вибрирует.

“Удачи”

Прилетает от Софии следом смс с адресом, и я уверена, что удача мне капец как пригодится, потому что, судя по адресу, я собираюсь наведаться прямиком в офис к Ярославу.

Глава 16

Ева

От моего дома до этого зеркального небоскреба, утопающего в облаках, как оказалось, ехать всего двадцать минут. Странное совпадение, учитывая, что он находится непозволительно далеко от центра города, по меркам бизнеса. Хотя мне ли судить о бизнесе? Я в нем понимаю ровно столько же, сколько повар в строительстве этих самых небоскрёбов.

Поднимаю голову вверх. Я должна решиться на этот шаг, потому что за ту сумму, что прописал Ярослав в контракте в мои обязанности явно должно входить намного больше. Или же я не заметила мелкий шрифт? Не очень бы хотелось оказаться в непристойном положении, учитывая, что кроме как помочь своему сыну, у меня больше нет никаких желаний.

Еще раз открываю сообщение, чтобы проверить номер офиса. Сто пятый. Делаю глубокий вдох и на выдохе уверенным шагом направляюсь внутрь.

Внутри этот небоскреб ничем не отличается от обычных офисных зданий. Одиноко стоящая стойка администратора и гигантское табло с номерами офисов и их расположением.

— Вам куда? — интересуется мужчина далеко за шестьдесят.

— Сто пятый офис.

— Уверены? — подозрительный взгляд в мою сторону. Видимо, я выгляжу странным образом, раз он аж приподнялся со своего места, чтобы осмотреть меня с ног до головы.

— Д-да, — немного сбиваюсь, сомневаясь в собственных глазах, которые четко видели номер офиса в сообщении от Софии. Если только она сама не ошиблась.

— Ладно, — его тучная фигура возвращается на свое место, и стрелочка на турникете загорается зеленым.

— Спасибо, — сжимаю в руках крафтовый пакет для документов. С Ярославом лучше выяснить все сейчас, пока все не зашло слишком далеко.

Чем дальше я бреду по узкому коридору, тем больше мое сердце сбивается с привычного ритма. Страх волнами накатывает на меня, вгоняя в дикий ужас, а потом медленно отступает.

Мельком выхватываю боковым зрением таблички с номерами кабинетов. Сто три. Сто четыре. Сердце замирает, но я прохожу дальше, а там вместо сто пять красуется табличка сто шесть.

Останавливаюсь.

— Как такое возможно? София, точно, ошиблась.

Отхожу назад. Еще раз изучая таблички. Сомнений быть не может. Сто пятого офиса нет.

— Ну уж нет. Я так легко не сдамся. Ярослав, очевидно, меня избегает, но я не могу взять его деньги за неизвестные услуги. Кто знает, что у него в голове?

Продолжаю свой путь. Коридор виляет поворотами. Мне уже не страшно. Устала бояться. Видимо, разум смирился, что я в полном отчаянии, и полностью расслабился, пока я не приметил одну явно выделяющуюся дверь среди всех однотипных.

Сердце тут же реагирует и ухает в пятки. Нехорошая реакция.

Направляюсь в ее сторону. Она привлекает мое внимание все больше, но отсюда сложно рассмотреть номер офиса.

— Яр, ты заебал мозги делать! — выкрикивает крепко сложенный мужчина, покидая тот самый офис.

Сомнений не остается. Это тот офис, который я искала.

В какое-то мгновение хочется сбежать, я даже успеваю дернуться в ту сторону, откуда пришла, но вовремя беру себя в руки и делаю шаг вперед.

Человек не может измениться полностью за пару лет, а значит и Яр не сможет прогнать меня в присутствии посторонних.

Подхожу ближе, не специально подслушивая разговор двух, а может и более мужчин. Единственное, что я знаю точно, это то, что в данный момент спорят двое, и один из них явно разгневанный — Яр.

— Прошу прощения, — делаю первую попытку заговорить, но голос больше похож на мышинный писк.

Мужчины и не думают обращать на меня внимание. Я и правда похожа на серую невзрачную мышь в этом черном пуховике в пол и сапогах-дутиках.

— Простите, — повторяю чуть громче. Меня замечают и мне бы радоваться, но то, как смотрит на меня Яр...

— Здравствуйте, прекрасное создание. Вы ко мне? — максимально любезно интересуется мужчина, что еще секунду назад яростно спорил с Ярославом.

— Я..., — тяжело сглатываю, когда кадык того, к кому я пришла, опускается вниз, а желваки приходят в движение.

— Свят, поговорим чуть позже, — рычит Ярослав, испепеляя своего оппонента.

— Это к тебе? — шокированно выкрикивает мужчина, глядя на меня.

— Не твое дело, — бросает Яр, схватив меня за запястье, и, словно тряпичную куклу, затаскивает в кабинет.

Дверь за моей спиной с силой ударяется. Щелчок замка. Тяжело сглатываю, ощущая Яра позади себя. Как же я ошиблась. Чертовски ошиблась. Сжимаюсь, как пружина, готовая в любую секунду рвануть.

— Что ты делаешь у меня в офисе? — его мягкий, вкрадчивый голос вводит в заблуждение.

— У меня нет твоего номера, — сглатываю, стараясь дышать тише, чтобы не выдавать своего волнения. — Дома я тоже не могу тебя поймать.

— Ты искала со мной встречи? — заискивающе спрашивает он, не торопясь обходить меня, чтобы я его видела.

— К-контракт, — с трудом проговариваю, поднимая крафтовую папку вверх.

— И что же в нем не так? — рядом с ухом раздается будоражащее кровь шипение. Это вдох. Затяжной, глубокий вдох Яра.

— Условия, — дергаюсь вперед, чтобы увеличить между нами дистанцию, но он хватается меня за плечи стальной хваткой, фиксируя на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.